

СТРЕЛЕЦКАЯ КАЗНА

ВЕЩИЕ СНЫ

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский

Стрелецкая казна. Вещие сны

Серия «Атаман», книга 3

Серия «Попаданчество»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10439393
Юрий Корчевский. Стрелецкая казна. Вещие сны: Яуза, Эксмо;
ISBN 978-5-222-39474-8

Аннотация

Он ушел из нашего времени на полтысячи лет назад – в героическую и кровавую эпоху становления Московского Царства. Он на собственном опыте убедился в вечной истине: от трона до плахи всего один шаг.

Помогут ли вещие сны предотвратить покушение на государя и как «попаданцу» уберечь собственную голову от царской «благодарности»?

Удастся ли ему сберечь стрелецкую казну и спасти русских пленников из татарского рабства?

И как защитить московские рубежи от ордынских набегов?
Самому отправиться в дальний развед рейд в Дикое Поле!

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юрий Корчевский

Стрелецкая казна. Вещие сны

*Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни
несчастья размышляй.*

Екклесиаст, 7:14.

Глава I

Проехав осторожно лес, мы выбрались на Муромский тракт и пустили лошадей галопом. Скоро вечер, и мне не хотелось приехать к закрытым городским воротам.

Успели в последний момент, когда стражники уже закрыли одну створку ворот. Влетели в город на взмыленных лошадях. Во время скачки по дороге я боялся, что девчонки не выдержат, попросят отдых, но они сдюжили.

За воротами я остановился – спешить было некуда; взял лошадей под уздцы и повел в поводу. Как хорошо пройти пешком – пятая точка уже отбита: не любитель я конных скачек, хотя жизнь заставляет привыкнуть и к этому виду передвижения.

Вот и постоялый двор, где мы останавливаемся обычно на ночлег. Слуги приняли коней и повели в конюшню, а я с девушками пошел на постоялый двор.

Трапезная была полна людей, все – в изрядном подпитии. Увидев меня с девушками, народ застыл в изумлении. Наступила просто мертвая тишина.

– Почто пьем, люди? Праздник какой ныне? А то я что-то дням счет потерял.

Из угла раздался вопль, выскочил Карпов и бросился обнимать дочь. По щекам его текли слезы, он сжимал девушку в объятиях, оглядывал с головы до ног, целовал. Более бур-

ных проявлений отцовских чувств я не видел. Из того же угла выскочили мои дружинники:

– Юра! Жив! – Начали меня обнимать, хлопать по плечам. У Андрея рука тяжелая, приложился так, что кости хрустнули.

– Осторожнее, ребята, у меня еще не все зажило. По какому поводу пьем?

– Купец дочку оплакивает, думал – все, а тут ты с девушками. Мы тоже думали – конец. Горе вином заливали, купец не скупился, стол богатый накрыл. Как удалось-то?

– После расскажу. Пожевать чего есть ли?

Меня чуть ли не на руках отнесли к столу, усадили на лавку. Рядом сидел охранник из обоза, пьяный в стельку. Едва глянув на меня мутными глазами, он уронил голову на стол и захрапел.

– Устал человек, – уважительно кивнул на охранника Андрей. Подхватил его под мышки и потащил на второй этаж, в комнаты. Герасим и Павел сели рядом, по обе стороны от меня, подкладывали в оловянную миску лучшие куски, пока я насыщался. Почувствовав в животе приятную тяжесть, я одобрил ужин хорошей кружкой мальвазии.

– Все, хлопцы, сил нет – спать, все разговоры завтра.

Меня под руки провели в комнату, сняли сапоги, пояс с саблей и уложили в постель. Отключился я мгновенно.

Проснулся я оттого, что за дверью кто-то ругался. Я разлепил глаза. Уже утро, в оконца льется солнечный свет, ком-

ната пуста. Дверь приоткрылась, в комнату заглянул Павел.

– О, ты уже проснулся? К тебе гости. Пропустить?

Я поднялся с постели, натянул сапоги, опоясался. Негоже встречать гостей, даже на постоялом дворе, не опоясавшись – неуважение к гостю.

– Заводи.

В комнату, шумно отдуваясь, протиснулся Карпов, поздоровавшись, уселся на лавку. Бойцы мои стояли у дверей.

– Доброго утречка! Слышь, Юрий, ты забудь про обидные слова, что я тебе у обоза наговорил сгоряча. Уж больно потеря велика была – доченька единственная моя, любимая. То не разум мой кричал, а сердце, кровью обливавшееся. Мир?

Я засмеялся:

– Мир, Святослав. – Мы пожали друг другу руки.

– Вот плата, о чем уговаривались.

Купец протянул мне кожаный кошель, раздувшийся от монет.

– А это – тебе отдельно. – Он снял с пальца массивный золотой перстень с изумрудом и надел мне на палец. – Дочка о твоих подвигах рассказывала. Герой! Не пойдешь ли ко мне служить, охранник у меня только один надежный остался. Плату хорошую положу, сколько князь платит – так я вдвойне.

– Спасибо за приглашение, купец, но не обижайся – не могу.

Бойцы мои заулыбались:

– Говорили мы ему – не верил.

– Ну тогда прощевай, Юрий. Торопиться мне надо. Сам понимаешь – смотрины отменить нельзя, договор. Коли надумаешь – завсегда приму. У князя служба колготная. У меня спокойнее и сытнее.

– Извини, Святослав, я решений не меняю.

Купец встал, по-дружески похлопал меня по плечу, поклонился нам всем и вышел.

Бойцы уселись на лавку, Павел промолвил:

– По-моему, спесь с него слетела слегка. Как дочь потерял, человеком стал.

– Брось, Паша, – перебил его Герасим, – расскажи лучше, как все повернулось.

Я коротко пересказал об освобождении девушек, не упомянув только, что проходил сквозь стены. Герасим, услышав о злате-серебре, оставленном в избушке, аж за голову схватился и застонал.

– Что ж ты все бросил, хоть бы один мешок добром набил!

– Не хочу, Герасим, я этого золота, оно злодеями у людей отобрано, в крови все.

– Не брал бы себе, коли душа протестует, нам бы отдал, вот я бы не отказался.

Бойцы засмеялись:

– Заждались мы тебя, атаман, все жалели, что одного отпустили.

– Все закончилось лучшим образом. Сегодня отдыхаем,

завтра назад, возвращаемся домой, в Москву. Нечисти не видно и не слышно боле, шайку разбойничью вывели под корень, а ежели кто и остался – не скоро с силами соберется. Сейчас деньги поделим, и делайте что хотите.

Мы уселись за стол, честно поделили содержимое кошель, что передал нам купец. Завернув деньги в тряпицу, Герасим убрал ее за пазуху и попросил посмотреть перстень. Мне не жалко. Герасим повертел его, надел себе на палец, полюбовался и с видимым сожалением вернул, цокая языком:

– Красивая вещь, дорогая.

– Старайся, и у тебя будет такая же.

После полудня ко мне пришла целая делегация – мелкие купчики, ремесленники. После приветствия и пожелания здоровья начали разговор.

– Слышали мы – завтра с утречка обратно едешь?

– Весна, дороги развезет скоро, пора домой возвращаться, в Москву. А в чем дело?

– Проводи нас под рукой своей до Владимирских земель, все равно по пути. У нас, конечно, серебра столько не будет, сколь у Карпова, но с каждой саней мзду получишь. По рукам ли?

Я засмеялся:

– Свободна же дорога, нечисти нет, разбойников тоже. Объединитесь вместе и сами доберетесь до места.

– Так-то оно так, только во всяком деле удача нужна. Спокойнее будет под твоей защитой.

– Ну, коли настаиваете, ждите утречком у городских ворот.

Вот уж точно – отдых война расслабляет. Так ломило утром вставать из теплой постели, уезжать от горячей еды, от крыши над головой. Впереди долгий путь, холод, нередко – питание всухомятку, а может, и встречи нежелательные, хотя бы с теми же разбойниками. Их на всех дорогах еще полно. Не сподобился государь-батюшка полицию задумать и ввести, вот и лиходейничали на дороге все, кому не лень.

Выехав из городских ворот, поздоровались со вчерашней делегацией. Здоровенный обоз из полусотни саней уже был готов, и мы сразу двинулись в путь.

Ехали не спеша: мы могли бы и быстрее, да не угнаться тогда за нами лошадам с тяжело груженными санями. Вот и приходится приноравливаться к их скорости. Известное правило – скорость хода каравана определяется скоростью самого старого верблюда.

К вечеру мы все-таки добрались до Мошкина. Хозяин аж взвился от радости – как же, опять прибыль. Поужинав, легли спать.

Около полуночи меня в очередной раз разбудил домовый.

– Чего тебе, неугомонный?

– Не пей завтра вина из кувшина.

Сказал и исчез, как и прежде. Интересно, к чему это он? Я постарался уснуть и утром не вспомнил бы о предостережении, но хозяин вынес мне на дорожку кувшин.

– Возьми, ратник: дорога дальняя предстоит, подкрепишься глоточком. Хороша мальвазия!

– Спасибо, хозяин, за еду и кров; теперь не скоро свидимся – в Москву путь держим.

– Счастливой дороги!

Я сунул кувшин в переметную суму и задумался. Почему домовой сказал про вино и кувшин? Ладно, после разберемся.

К вечеру обоз прибыл в деревеньку за рекой. Прислуга заводи́ла коней в стойла, а я понес переметную суму на постоянный двор. Вспомнив о кувшине, вытащил деревянную пробку, понюхал – вино как вино.

Я не успел сделать и пары шагов, как под ноги мне бросился лохматый пес. От неожиданности я выронил кувшин, и, к моему сожалению, он разбился. Невелика потеря, сейчас в трактире восполним.

Поднявшись на крыльцо, я оглянулся. Псина с жадностью лакала сладковатое вино. Небось, уж не в первый раз лакомится такими напитками.

После ужина, когда я вышел по нужде перед сном, то вновь увидел пса. Он лежал неподвижно перед лужицей вина.

Сдох! И сдох от вина, что кабатчик мне на прощание подарил. Так вот о чем домовой меня предупреждал. Вино отравленным оказалось. Как-то сразу вспомнилось, что неизвестный во дворе корчмы Панфила в Мошкино подавал сигналы

светильником из-за забора, когда я купца Святослава в Муроме с обозом сопровождал. Чертово семя! Вот где наводчик разбойничьей шайки окопался, а может быть, — и организатор.

Возвращаться назад, в Мошкино, не хотелось, а вот послание муромскому посаднику отписать надо: пусть приглядится, а может, и потрясет хозяина постоянного двора. Не ожидал такого.

Обычно отравления — это Франция, инквизиция, злое козни придворных интриганов за сладкий кусок с королевского стола. Но здесь, в муромской глуши?

Редкий для Руси этого времени способ убийства. Обычно предпочитали чего попроще — ножом в спину, дубиной по голове, значительно реже — удавка на шею. Но яд? Интересно, не появлялись ли в этих краях о прошлом годе иноземцы из Венеции, Италии, Франции? Как раз яды — излюбленный способ тихого убийства в этих «цивилизованных» странах, к тому же без следов. Уже в постели мне вдруг припомнилось, что на пиру у государя стоящий скромно за спиной его слуга пробовал все, что подавалось на блюдах и наливалось в чарки. Стало быть, и до Руси докатилась эта зараза. Надо бы не забыть, найти сведущего человека в Москве — пусть просветит.

А ночью приснился мне странный сон. Вот чьи-то руки наливают в кувшин с вином из маленького пузырька бесцветную жидкость — совсем немного, буквально чайную ложку,

прячут пузырек за сундук. Я понимаю, что это яд, не льют в вино никаких снадобий. Затем какие-то неясные картинки и более четко – князь Овчина-Телепнев сидит за столом с домочадцами, кушает, слуга наливает из кувшина вино в серебряные чаши. Тут мой сон оборвался, и я проснулся в холодном поту и с бьющимся сердцем. Во рту пересохло. Признится же такое! Ратники мои сладко спали, Андрей похрапывал, Павел беспокойно шевелил во сне руками, Герасим что-то бессвязно шептал. Я снова улегся, но сон не шел из головы. Наваян ли он происшедшей вечером попыткой отравить меня или нас всех – ведь кабатчик предполагал, что вином я могу поделиться со своими дружинниками?

А вдруг сон вещий? Тогда что делать? Даже если я сейчас вскочу на коня, мне не успеть добраться до Москвы, только коня загоню. Может быть, попробовать внушить князю предостережение – не пить вина? Как это сделать? Я же не телепат. Но надо попробовать, другого выхода просто нет. Я закрыл глаза и сосредоточился. Мысленно прошел по княжескому дому, поднялся на второй этаж, открыл дверь в опочивальню князя.

В комнате горит масляный светильник, скудно освещая изголовье постели и князя. Собственно только лицо и руки на груди. Я встал у изголовья, пристально взгляделся князю прямо в лицо, стал медленно и четко говорить: «Княже, не пей вина, тебя отравить хотят!» Так я повторил несколько раз. Князь беспокойно заворочался в постели, проснулся и

сел.

– А, это ты, Юрий! Почему ты здесь? Ты же в Муроме должен быть?

– А я и есть в Муроме – это же сон, твой сон, князь. Я тебе просто снюсь.

– Зачем в мой сон пришел?

– Предупредить хочу – отравить тебя хотят, не пей завтра вино – с ядом оно. Кто-то из твоих домовых слуг. Найди его.

Внезапно все пропало – и дом княжеский, и князь в постели. Я открыл глаза. Уже утро. Солнце пробивалось в затянутые бычьим пузырем окна, сотоварищи мои ворочались в постелях, а Герасим уже тер глаза. Чертовщина какая-то! Приснилось это все мне ночью – сон про князя, моя попытка внушить ему мои подозрения? Или уже начались раздвоения личности? Бред какой-то параноидальный. Не стоит ни с кем делиться мыслями, сочтут – свихнулся. Еще блаженным я не был!

Однако же сон имел интересное и вполне реальное продолжение...

За пару недель мы с обозом добрались до Москвы. Последние два дня дались трудно, дороги начало расквашивать, сани вязли в грязи. Приходилось их местами толкать, а возчики и вовсе шли пешком, дабы не уморить коней вовсе. Когда показались предместья Москвы – избенки крестьян, ремесленников, торговцев – подлого сословия, радости обозников и нашей ватажки не было конца. Добрались!

Обозники скинулись и передали мне мешочек с деньгами. Не откладывая в долгий ящик, я тут же разделил монеты. Наверняка по приезде и докладе князю всем дадут отдых, и тут уж денежки ох как понадобятся – одежду поменять, родным подарки сделать, у кого они есть. А одежда – мало того что истрепалась, так уже и не по сезону.

Кончилась зима, нелюбимое мое время.

Мы заехали во двор к князю, завели коней в конюшню, расседлали. Отдыхайте, лошадки, вы тоже заслужили. Сами почистились, как могли, а уже слуга дворовой бежит – князь просит всех к нему в кабинет.

Зашли. Князь радостно всех поприветствовал, расспросил как да что. Я рассказал о нечисти, о том, что Михаил погиб как герой в схватке с волкодлаком, о криках, о банде разбойников. О чем не рассказал – так это о сопровождении обозов и деньгах. Пусть это останется нашей маленькой тайной. В принципе страшного здесь ничего нет, все, что воин взял в бою, – его трофей. Никто, ни князь, ни сам государь, не вправе претендовать на взятое мечом. А захваченные в бою города вообще на три дня отдавались на разграбление воинам. Воеводе – доля с трофеев, государю – покоренный город и новые земли, а уж воину – его добыча, то, что он мог уместить на себе или в переметных сумах лошади. Кто же из ратников будет воевать за одну похлебку? Чай, не боевые холопы.

Князь, выслушав нас, одобрил все действия и, вручив за

усердие и службу по небольшому мешочку серебра, дал отдых до особого распоряжения. Когда уже все выходили, попросил меня задержаться.

«Вот оно!» – екнуло в груди. Князь усадил меня на лавку, сел сам. Барабания пальцами по столу, хмыкал, не решаясь начать разговор.

– Вот что, Юра, пусть разговор наш останется между нами. Видел я седмицу назад сон один странный, да так ясно и чисто, вроде как наяву. Будто стоишь ты рядом с постелью моей в опочивальне и молвишь: «Не пей вина, отравлено оно». Утром за столом наливают мне вина, да сон мне сразу вспомнился, не стал я пить и супруге не дал, вылил в ушат свинье, а та отравилась и тут же издохла. Хочешь верь, хочешь не верь в вещие сны, а выходит – спас ты меня.

– Надо же, – прикинулся я простачком, – бывают все-таки вещие сны.

– Так вот, тебя с ратниками здесь не было – уж очень далеко были, на вас не думаю. А остальные под подозрением. Как можно жить в доме, когда знаешь, что змей пригрелся у очага? Веришь ли – стал бояться в доме кушать. Коли злы-день здесь, в доме моем, в кушанья яду подсыпать могут. Ты хорошо себя проявил, когда по велению государеву искал на Псковщине людишек, печатающих лживые монеты. Мне сразу про тебя подумалось – найди мне собаку эту, змею подкодную, что хозяина укусить до смерти норовит. Делай что хочешь – даже пытаться позволяю, всех под подозрением дер-

жи, только на тебя надежда. Но держи язык за зубами, не только в отравителе дело. Новых людей к себе в дом давно я не брал, почему вдруг конфузия такая? И вот что думаю – не враг ли тайный наверху объявился?

Князь указал пальцем в потолок.

– В окружении самого государя? – вырвалось у меня.

– Именно, в корень зришь, за что я тебя и уважаю. И дело поручил тебе, потому как у тебя голова думать способна. Иди отдыхай, присматривайся. Никому, даже в дружине, – ни словечка. Падет на кого подозрение – сразу ко мне. Да не тяни, государь важное дело замыслил, не потому ли убрать меня кто-то схотел?

Откланявшись, я отправился в воинскую избу. Вокруг дружинников, что ходили со мной в Муром, собрались уже все свободные воины и, раскрыв рты от изумления, слушали рассказ Павла о наших схватках с нечистью. Интерес был неподдельный, ведь раньше никому из воинов не приходилось сталкиваться с неведомыми тварями.

Моего прихода никто и не заметил, только старший наш, Митрофан, головой кивнул, здороваясь. Я с удовольствием завалился на свой топчан.

М-да, вот уж чего не ожидал – так это что сон мой реальностью окажется, правильно говорят в армии – любая инициатива наказуема. Князя, покровителя своего, от смерти спас, но как задание его выполнять? Во дворе княжеском три десятка дружинников и полсотни слуг. Кто из них на злато-се-

ребро польстился? Попробуй вычисли. А может – и того хуже, не за деньги проданся, по злобе своей, а князем невзначай обиженный. Я размышлял так – у меня только два пути.

Первый – втихую обыскать дом и найти пузырек с ядом за сундуком. Ведь в своем сне я его ясно видел. Ага, вот еще – руки видел. Лица – нет, не рассмотрел, руки только, причем руки мужские, крупные. Стало быть – задача облегчается, женщин можно исключить. Еще можно исключить нас четверых, бывших в Муроме, детей князя, жену его. Ого, уже четверть почти из списка подозреваемых выпала. Если пузырек с ядом найду – брать его нельзя, злодей затихнет на время, а яд снова принесет. Вроде засады надо сделать.

Второй путь значительно дольше и сложнее, и не факт, что принесет удачу, – это попробовать втихую обойти травников, колдунов, знахарей и прочий люд, способный изготовить яд.

Но после длительных размышлений этот вариант я отбросил. А если яд внутреннему врагу вручили вместе с деньгами? Времени потрачу много, и все впустую. Поди сначала в большой Москве тех знахарей найди.

И я решил осматривать – правда, осторожно – все комнаты в доме князя и во вспомогательных постройках – воинской избе, конюшне, кухне, избе для слуг. Где-то же стоит тот сундук. О! Сундук. Я ведь сундук видел. Осмотреть мельком комнату, не делая обыска, значительно легче и быстрее – зашел в комнату, даже при хозяевах, осмотрелся.

Сундук – вещь не маленькая, всегда на виду. К тому же один на другой не похож, ручная работа местных умельцев. Разные размеры, разнообразные формы, замки врезные и навесные, разные петли, окраска разная.

Похоже, с этого и надо начинать.

Мои размышления внезапно прервала толпа воинов, окруживших мой лежак.

– Что же ты молчишь, не похвастаешь перстнем?

Небось Герасим проболтался про перстень.

Я поднялся с постели, снял с пальца перстень, дал посмотреть. Лучи солнца так и играли на камне и золотых гранях. Хорош, чертовски хорош – даже я сам залюбовался. У меня толком и времени не было рассмотреть подарок. Насмотревшись вволю, мне вернули перстень и разошлись.

Я улегся, но что-то не давало покоя. Стал вспоминать свой сон. Вот оно! На руке, точнее – на пальце левой руки, перстенок был. Палец – не помню какой, но был перстенок. Еще зацепка. Жалко, сновидение – не фотография, нельзя рассмотреть, только вспомнишь, да и то – многие ли могут утром сон во всех деталях вспомнить? И такой меня зуд одолел, что вскочил я и не спеша прошелся по воинской избе. Сундуки здесь были во множестве, у каждого воина свой, где он хранил нехитрый свой скарб, одежду выходную, деньги, что-то очень личное. Сундуки для порядка замыкались на простенькие замки, которые открыть можно было любым гвоздем, но случаев воровства не было. Ну не мог себе позволить

ратник запустить руку в сундук товарища, который, может быть, еще вчера прикрывал его спину в бою. Нет, не нахожу я похожего сундука.

Выйдя из воинской избы, я прошел на кухню. Это была большая изба, в два этажа. Внизу стояли печи – здесь готовили еду, на втором этаже жили кухарки и прочий хозяйственный люд. Конечно, чтобы приготовить еду на дружину и прислугу, требовалась не одна кухарка и помощники. На самой кухне сундуков не было, в чем я и не сомневался. Здесь жарко, вечно парит от кипящих котлов – кто же будет тут хранить свои вещи? Плесенью покроются за неделю и безвозвратно утратятся.

Поднявшись на второй этаж, я окинул беглым взглядом сундуки в комнате женщин – ничего похожего на искомый сундук. В комнате мужчин смотрел внимательнее, разглядывая каждый сундук. Уж больно кухня – место удобное, что стоит капнуть яду в готовящуюся пищу, тем более что князю и его семье готовили специально, даже отдельная кухарка была. Нет, и здесь похожего сундука нет.

Так же тщательно я осмотрел дом прислуги – большой, в два этажа, одних комнат шесть, да плюс подсобки. И тут – пусто, то есть сундуки были, но не то, что мне надо.

Оставался дом князя, но сегодня было уже поздно, и я решил отдохнуть, а завтра с утра приступить к поискам. Как раз подошло время ужина, и я со всеми уселся за стол. За ужином я уже чисто механически осматривал руки всех, кто

попадал в поле зрения. Перстенька, что пригрезился мне во сне, не было.

После ужина я улегся в постель. А может, это действительно был только сон? Пусть случайно близкий к реальности – совпадение, не более, а я ищу конкретный сундук, перстень. Да их, может, и в природе не существует. С тем и уснул.

После завтрака решил довести дело до конца, больше для спокойствия души. Не увижу сундука, значит, все увиденное – сон, грезы. И надо же было такому случиться, что навстречу мне вышел княжеский ключник.

Ключник – фигура в княжеском дворе значимая, отвечал за все кладовые, все припасы – продуктовые, винные, с одеждой. Единственное, что его не касалось, – припасы воинские – порох и оружие. Это все – епархия воеводы или старшего дружинника. Ключник, именем Матвей Егорович, и раньше мне не нравился. Сухопарый, небольшого роста, с жиденькой бороденкой, неопределенного возраста, но явно больше сорока, с вечной, как будто приклеенной улыбкой. Глаза бесцветные, всегда бегают, а если и удастся поймать взгляд, так и сам взор отведешь – до того неприятен, как у змеи. Любил подкрасться исподтишка, схватить слугу за волосы и оттаскать. Однако воинов не трогал: те ему спуску бы не дали – сам без бороды бы остался, а вот слуге у кого защиты искать? Князь высоко, к нему с жалобой не пойдешь, тем более что ключника князь ценил – сам не раз слышал, как покровитель мой говаривал, что, дескать, такого рачительного и честного

ключника еще поискать надо.

Так вот, столкнулся я с ним в коридоре, и вертел он в руке по своему обыкновению связку ключей, дабы все видели – не слуга, ключник княжий идет. Привлекла мой взор брелочная железом связка ключей, а на пальце перстенок – похоже, тот самый, что во сне видел. Вот и не верь после этого снам. Я постарался ничем не выдать своего подозрения, хотя руки мои аж зачесались, так схватить негодяя захотелось.

– Ко князю, воин?

– К нему.

– Иди, у себя он. – И вышел из дома.

Я помчался в его комнатку – жил он на первом этаже, где и другие приближенные ко двору слуги. Толкнул дверь – закрыто. Ага, не дурак он – двери нараспашку держать. Оглянувшись по сторонам, прошел сквозь дверь и чуть не вскрикнул – вот он, сундучок. И замочек амбарный на нем, и крышка выпуклая. Он, точно он!

Я заглянул за сундук. В узкой щели между стеной и сундуком стоял пузырек. Ах ты, змея подколодная! В этот момент послышались шаги, и в замке заскрежетал ключ. Я встал за открывающуюся дверь и, дождавшись, пока ключник прикроет ее, вlepил кулаком в лоб, от всей души вlepил. Ключника аж подбросило, и он рухнул на пол.

Я схватил связку с ключами, присмотрелся к ключнику. Дышит, не прибил я его, а так хотелось. Вышел в коридор, запер ключом дверь и, перепрыгивая через две ступеньки, по-

бежал наверх, к князю. Без стука ворвался в кабинет. Князь удивленно поднял на меня глаза:

– Почто беспокоишь? Без стукаходишь?

– Прости, князь. Узнал я, какого змея ты у себя на груди пригрел. Оглушил я его маленько, да в комнате и запер.

– Не томи, Юрий. Кто?

– Ключник твой, княже, Матвей!

– Быть не может, оговор. Дело свое он знает, служит у меня уж десять лет как. Ратники его не любят – это правда, замечал я, но это не повод облыжно его обвинять.

– Князь, изволь вниз спуститься, в его комнату, там и доказательство есть.

– Так что ж ты молчал? Идем!

Мы спустились вниз, я открыл комнату ключника. Этот змей так и лежал в отключке после моего удара.

– И где доказательство?

– За сундуком, там, где он его и спрятал, пузырек маленький, с ядом.

– Достань!

Я залез рукой в узкую щель, достал осторожно пузырек, поставил на стол. Князь взял его в руки, открыл пробку и понюхал.

– Цикутой пахнет, на самом деле яд. Ах ты, аспид ползучий!

Князь пнул лежащего ключника. Тот застонал, открыл глаза. Князь склонился над слугой.

– Вставай!

Кряхтя и постанывая, ключник сел на полу, обхватил обеими руками голову:

– Болит!

– Не о том думаешь, Матвей! Как бы тебе головушку не потерять!

– За что, княже, в немилость я впал?

Взор ключника перебежал с князя на меня, и вдруг он заметил пузырек на столе. Глаза его округлились от страха, и он закричал:

– Не мой яд, не мой!

Князь уселся на топчан и ласково спросил:

– А откуда ты знаешь, Матвей, что в склянке яд? Может, снадобье там от желудка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.